

СИСТЕМНОЕ ЕДИНСТВО ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНКРЕТНО- ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 320.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-8-19>

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tikhonovava@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о единстве российских традиционных ценностей, которые нельзя понимать односторонне как возвращение к прошлому, к патриархальным нормам в качестве «естественного» и самобытного культурного кода. Авторы обращают внимание на то, что в Указе Президента РФ № 809 от 09 ноября 2022 года между традиционным и общечеловеческим стоит «и», а не «или», и Российское государство определено как хранитель и защитник «исконных общечеловеческих ценностей». Для прояснения отношения общечеловеческого к традиционному охарактеризована система либеральных ценностей, основанная на личной свободе, от ее формирования и возвышения во времена Великой французской революции до кризиса в XIX–XX веках и разложения в так называемой «новой этике». Именно конкретно-исторический анализ позволяет выявить позитивное ядро либерально-демократических ценностей, того «исконно общечеловеческого», как отмечено в Указе, которое становится традиционным моментом нашей культуры и нравственности. В свете кризиса либерализма в XIX веке рассматривается становление социалистической/коммунистической системы ценностей, позитивные моменты которой, прежде всего, созидательный труд, коллективизм и социальная справедливость, также нашли отражение в Указе в перечне российских традиционных ценностей. Таким образом, в статье – в их исторической динамике и метаморфозах – характеризуются три ценностные системы координат, формирующих традиционные основы российской общегражданской идентичности, которая, как подчеркивают авторы, носит характер наднациональных и надконфессиональных нравственных ориентиров. Сделан вывод, что системное

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Московский государственный институт культуры

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт Управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Moscow State Institute of Culture

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – DSc in Philosophy, Professor, Expert in Scientific Work Management, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

© Мареева Е. В., Тихонова В. А., 2025

единство российских традиционных ценностей, которое очерчено в Указе, находится в процессе становления. Их конкретный синтез будет определяться реальной социальной практикой и, в том числе, культурной политикой государства.

Ключевые слова: единство российских традиционных ценностей, традиционализм, либерализм, социализм, свобода, личность, индивидуализм, равенство, коллективизм, казарменный коммунизм, братство, семья, патриархальность.

Для цитирования: Мареева Е. В., Тихонова В. А. Системное единство традиционных российских ценностей в конкретно-историческом контексте // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №1 (123). С. 8–19. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-8-19>

SYSTEMIC UNITY OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES IN A CONCRETE-HISTORICAL CONTEXT

Elena V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Valeriya A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: tikhonovava@mail.ru

Abstract. The article deals with the unity of Russian traditional values, which cannot be understood unilaterally as a return to the past and patriarchal norms as a “natural” and distinctive cultural code. The authors draw attention to the fact that in the Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 09, 2022 between the traditional and the universal stands “and”, not “or”, and the Russian state is defined as the guardian and protector of “original universal values”. In order to clarify the relationship between the universal and the traditional, the system of liberal values based on personal freedom is characterized, from its formation and elevation during the Great French Revolution to the crisis in the XIX–XX centuries and decomposition in the so-called «new ethics». It is the concrete-historical analysis that allows us to identify the positive core of liberal-democratic values, that “primordial universal”, as noted in the Decree, which becomes a traditional moment of our culture and morality. In the light of the crisis of liberalism in the 19th century, the formation of a socialist/communist system of values is considered, the positive aspects of which, primarily creative labor, collectivism and social justice, are also reflected in the Decree in the list of Russian traditional values. Thus, the article in their historical dynamics and metamorphosis characterizes three value systems of coordinates that form the traditional foundations of the Russian civic identity, which, as the authors emphasize, has the character of supranational and supra-confessional moral guidelines. It is concluded that the systemic unity of Russian traditional values, which is outlined in the Decree, is in the process of formation. Their concrete synthesis will be determined by real social practice and, among other things, by the cultural policy of the state.

Keywords: unity of Russian traditional values, traditionalism, liberalism, socialism, freedom, personality, individualism, equality, collectivism, barracks communism, fraternity, family, patriarchy.

For citation: Mareeva E. V., Tikhonova V. A. Systemic unity of traditional Russian values in a concrete-historical context. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 1 (123), pp. 8–19. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-8-19>

Сохранение традиционных ценностей в сложившейся культурной и политической ситуации – направление государственной политики России. Соответствующие государственные меры были утверждены Указом Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 года [22], и за истекшие два года здесь сделано многое. Но не об этом важном аспекте Указа пойдет речь в данной статье, а только об одном из пяти его разделов. Это первый раздел Указа «Общие положения», где дано определение традиционных ценностей и приведен их перечень, что на наш взгляд, не завершает обсуждение вопроса о российских традиционных ценностях, а раскрывает для него новые перспективы. В свете «Общих положений» уже понятно, что природа традиционных ценностей не так проста, как думают те, кто отождествляют традиционное с возвращением к «преданьям старины глубокой».

Текст Указа возвращает проблему традиционных ценностей в дискуссионное поле, где существуют не только научные, но и различные идейные позиции. В Указе недвусмысленно очерчен международный контекст противостояния России «деструктивным идеологиям» в свете глобального цивилизационного и ценностного кризиса. Многими за истекшие два года такая постановка вопроса была воспринята в духе поляризации Мы и Они. Но тогда почему мы читаем в Указе о Российском государстве как хранителе и защитнике «традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей»? [22, с. 6] То же касается «продвижения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, основанных на исконных общечеловеческих ценностях» [22, с. 8]. Что в таком случае считать «исконными общечеловеческими ценностями», в отличие от тех либеральных ценностей, которые под названием «общечеловеческих» уже в XIX веке не принимали известные русские философы и которые яростно критикуют сегодня? [10] И главное – почему в Указе между традиционным и общечеловеческим стоит «и», а не «или»?

Сочетание традиционного и общечеловеческого в данном случае вовсе не парадокс, не круглый квадрат, а позиция, требующая осмысления. И это возможно при конкретно-историческом анализе ценностей, способных стать традиционным элементом культуры.

Традиция – антипод новации, но только в качестве его самого абстрактного определения. Следующий шаг – признание их взаимозависимости и взаимосвязи, поскольку традиция присутствует в каждом общественном организме, за счет чего его экономика, политическая и духовная жизнь обретают единство и цельность, а способ жизни, основанный на культе новации, не имеет ни сути, ни смысла. Тем не менее, не всякая новация сохраняет свое содержание в жизни сообщества в роли традиции. Одни новации продолжают скреплять взаимоотношения, другие упраздняются или консервируются историей, а третьи вообще не заслуживают обсуждения.

Таким образом, уже на этом уровне рассмотрения следует признать разные представления о традиции как в науке, так и в массовом сознании. Согласимся с Н. П. Рагозиным в том, что нужно иметь в виду три трактовки традиционализма, подступаясь к этой проблеме. Так возможно консервативное отношение к настоящему, а по сути – охранительство в отношении существующей государственной системы и идеологии. Второй вариант связан с возрождением прошлых институтов и ценностей, в которых, напротив, видят спасение от существующих проблем. И, наконец, есть тот, кто не отстаивает нынешние или прошлые порядки, а исходит из синтеза элементов прошлого и настоящего во имя прогресса в будущем. Как раз акцент на необходимости обращаться к прошлому во имя будущего отличает его от прогрессистов всех мастей [16, с. 8].

Но проблема обретает дополнительные смыслы при конкретно-историческом толковании традиционного в свете деления истории человечества на доиндустриальную,

индустриальную и постиндустриальную эпохи. Здесь понятие традиционного уже давно ассоциируется со способом трансляции исторического опыта, который присущ доиндустриальному обществу. И это вполне логично, поскольку социальное единство в доиндустриальных сообществах, при всем их многообразии, обеспечивалось институтами сохранения и передачи предписывающих норм, выработанных в прошлом. Применительно к русской истории речь идет об отцовском праве, задающем нормы патриархальной семье, сословной зависимости, и даже самодержавии, поскольку конституционная монархия – это уже результат разложения основ патриархального общества. Традиция здесь невозможна без сакрального отношения к авторитету предков, определившим ее у истоков коллективного бытия.

Уже в таком контексте традиционалистом в собственном смысле будет тот, кто приветствует восстановление форм жизни и ценностей патриархального общества. Но важнее прояснить ту позицию, при которой нет радикального размежевания с историей страны и традиционной культурой, но неприемлема теперешняя идеализация патриархальности без понимания истории ее разложения и преодоления последующими социальными изменениями.

Сторонники возвращения традиционных форм жизни и ценностей на сегодняшний день видят два объекта не столько критики, сколько радикального отрицания. Во-первых, это система либеральных ценностей, которые принято именовать «общечеловеческими». Во-вторых, это коммунистические ценности, которые принято отождествлять с идеалами советского человека.

Трагической для многих «бывших» советских людей стала радикальная смена обозначенных духовных ориентиров, которая, кстати, происходила в обратном указанному порядке. Не успели мы оглянуться, как коммунистическая идеология в 90-х годах XX века сменилась агрессивной пропагандой общечеловеческих ценностей. Переход

от них к традиционным жизненным ориентирам шел значительно медленнее. Наблюдать при этом, как пришлось не раз, а дважды радикально «переобуваться» профессиональным идеологам, – трагикомическая сторона вопроса.

Сегодняшние проклятия в сторону либеральных ценностей, равно как их отчаянное восхваление в 90-х, лишены историзма. Потому что либерализм либерализму рознь в свете его возвышения во времена Великой французской революции, кризиса в XIX–XX веках и разложения либерально-демократической идеологии в так называемой «новой этике» последнего времени.

Либеральные ценности – Свобода, Равенство, Братство (Liberté, Égalité, Fraternité), которые в наши дни являются национальным девизом Франции, – известный лозунг Великой Французской революции. Высшей ценностью здесь является свобода, понятая в качестве свободы индивида как частного лица, утверждающего себя в политическом волеизъявлении, практическом и моральном выборе. И в таком качестве субъект свободы существовал не всегда. В «Идее культуры» В. М. Межуев указывает на роль эпохи Возрождения в становлении европейского человека как свободного субъекта. «Ренессанс, – пишет он, – утвердил право человека на то, чтобы считать себя ни на кого не похожей индивидуальностью, главное достоинство которой заключено в ее творчестве и том мастерстве, с каким оно осуществляется» [14, с. 51].

Но для такого рода индивидуального и социального творчества субъект нуждается в определенных условиях, которые отстаивали и создавали европейские революции XVII–XIX вв. Иначе говоря, то, что именуют универсальными «общечеловеческими» ценностями, совпадает с их конкретно-историческим типом. Свободы и права человека в их либеральном обличье обосновывал, как известно, английский просветитель Д. Локк, который исходил из конкретно-исторических представлений об обществе как сообществе горожан, которые в качестве

граждан способны свободно действовать, отстаивая свои гражданские свободы. И объясняет он либеральные ценности в качестве общечеловеческих, как было принято в Новое время, самой природой человека. В соответствии с концепцией естественных прав человека, он подчеркивает, что человеку врождены право на жизнь, личную свободу, наследование и владение имуществом [7, с. 374]. При этом в праве на жизнь просматривается отрицание «естественности» рабства, в праве на личную свободу – дискредитация сословной зависимости, а врожденный характер права на имущество делает естественным для каждого участие в рыночных отношениях. Характерно, что защиту жизни, свобод и имущества частного лица Локк именовал «сохранением собственности», связывая с этим главную функцию государства.

Лозунг «Свобода! Равенство! Братство!» впервые прозвучал в речи М. Робеспьера и выражал суть «Декларации прав человека и гражданина», принятой Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 года, где индивидуальная свобода сочетается с равенством всех перед законом. Притом, что цель нового правового государства – гарантировать индивидуальные свободы, источником суверенитета, согласно третьему пункту этой Декларации, является нация. Согласно пятому пункту Декларации, закон воспрещает деяния, вредные для общества. В остальном гражданин полагается на себя [4].

Указанная гармония свободы и равенства не была в те времена сутубой формальностью. Ей соответствовала жизнь городов у истоков европейского гражданского общества. Другое дело, идеализация либеральных ценностей и, прежде всего, свободы частной собственности и «невидимой руки рынка» в период либеральных реформ Ельцина-Гайдара в России начала 90-х. Ведь одно дело ситуация в гражданском обществе времен Адама Смита и Давида Рикардо, и другое дело – современная социально-экономическая реальность.

Но уже в начале XIX века свобода и равенство расходятся по разным полюсам,

не гарантируя идеала справедливости и братства всех граждан. Свобода частной собственности и экономической инициативы не обеспечивали имущественного равенства, а рыночный механизм не балансировал частные интересы в пользу общего благосостояния, как завещал Адам Смит [17]. Рынок не преодолел конфликт интересов, а правовое государство не гарантировало равного к ней доступа и равных доходов. Так формировалась новая социальная реальность, где набирали силу социалистические и коммунистические движения, в которых уравнительность так или иначе гарантировала справедливость.

Итак, уже на этом этапе можно сделать вывод о том, что традиционные ценности в Указе Президента РФ № 809 от 09 ноября 2022 г. не следует понимать в духе однобокого традиционализма как возвращения к патриархальным нормам в качестве «естественного» и самобытного культурного кода. В рассматриваемом Указе система традиционных нравственных ориентиров не извлекается из глубины веков, но складывается из универсального духовно-нравственного содержания, сформировавшегося в разные эпохи, в том числе в либерально-демократической системе ценностей, выраженной в «Декларации прав человека и гражданина» во времена Великой французской революции. Именно конкретно-исторический анализ показывает непродуктивность и ограниченность противопоставления традиционных ценностей общечеловеческим, которые при этом отождествляют с вырожденной формой либерализма – индивидуализмом, глобализмом и «новой этикой».

Именно кризис либеральной системы ценностей уже в XIX веке определил альтернативную ситуацию, из которой либерализм и социализм предложили противоположные выходы: ставка на свободу за счет примирения с неравенством (либерализм) или путь к равенству, поступаясь свободой (социализм).

У истоков осмысления противоречивости самих либеральных ценностей и их практического осуществления был французский аристократ Алексис де Токвиль, автор известной работы «Демократия в Америке» (1840). На фоне достижений американской демократии он отмечает ряд негативных тенденций, о которых тогда же писали наши славянофилы, побывавшие в 30–40 годы XIX века в Европе. Речь идет о меркантилизме и культе материального благополучия, росте отчуждения и сосредоточенности на частной жизни, а также – упадке высокого искусства, совпадающего с разложением вкусов масс. То, что будет описывать уже в зрелых формах Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» (1930), почти за сто лет до этого увидел Токвиль в Соединенных Штатах: «Воздух здесь пропитан корыстолюбием, и человеческий мозг, беспрестанно отвлекаемый от удовольствий, связанных со свободной игрой воображения и с умственным трудом, не практикуется ни в чем ином, кроме как в погоне за богатством» [21, с. 337]. «Эффектом Токвиля» называют еще одну особенность в ситуации кризиса либерализма, которую он увидел в Америке. Успехи в борьбе за справедливость, против неравенства не снижает, а обостряет переживание несправедливости. Чем дальше, тем острее переживание нарушения прав, отмечает Токвиль, и это, заметим, обрело превратную форму в США в последние годы.

Как известно, движение МеТоо в США связано с историей феминизма. Можно вспомнить о движении суфражисток в Англии и США, целью которых было равенство женщин с мужчинами, прежде всего, в области избирательного права, и борьбу за свои права женщин-работниц в рамках социалистического движения. Новая феминистская волна 60–80 годы XX века расширила требования женщин. Еще в 1986 году Верховный Суд США постановил, что домогательство в отношении женщины на рабочем месте (sexual harrassment) является актом дискриминации. В мае 2023 года Городской совет Нью-Йорка принял закон, запрещающий дис-

криминацию людей по весу и росту в профессиональной деятельности, жилищной сфере и общественных местах. В США идет борьба с эйджизмом как дискриминацией людей по возрасту, куда относятся, прежде всего, пожилые люди. И все это, безусловно, вписывается в логику расширения демократического движения за справедливость.

Но параллельно в XXI веке в США и Европе произошла трансформация борьбы за справедливость. Как отмечает Е. В. Золотухина-Аболина, борьба с несправедливостью посредством «культуры отмены» утратила свое основание, каким «всегда был вопрос о бедных и богатых, имущих и неимущих, о том, что вознаграждение должно соответствовать вкладу, награда – подвигу, а наказание – проступку» [5, с. 126]. Именно борьба за гендерное равноправие, у которой в прошлом была выдающаяся история, в эпоху позднего постмодерна дает парадоксальные результаты. Экологическая повестка, сочетаясь с гендерной, рождает движение «чайлдфри»¹. В свою очередь, объединение гендерной и расовой повестки породило движение за умножение секс-меньшинств. Ситуация, в которой гендерный выбор становится из свободного обязательным, – превратная форма либерализма современной эпохи. Что касается результатов такого рода индивидуальной свободы, то именно в области гендерных вопросов они могут оказаться самыми печальными.

Но было бы неверным только «эффектом Токвиля» объяснять противостояние труда и капитала и пролетарские революции XIX–XX веков. Уже в XIX веке мы наблюдаем целый спектр теорий социалистического толка, соответствующих движений и организаций, что выражало осознанное отношение к социалистическим идеям и ценностям в тот период. Как известно, «Коммунистический

¹ Чайлдфри (от англ. childfree, буквально «свободный от детей») – самоназвание тех, кто сознательно отказался от рождения детей, не имея на то религиозных, медицинских и экономических причин.

манифест» был опубликован Марксом и Энгельсом в 1848 году на немецком языке как новая политическая программа для уже существовавшего «Союза справедливых», созданного немецкими эмигрантами в Париже [12]. Но к 1848 году после гонений его руководство обосновалось в Лондоне, подобно самому Марксу. Важно то, что до принятия в свои ряды Маркса и Энгельса «Союз справедливых» был тайной организацией, под руководством столяра В. Вейтлинга, с явно выраженными уравнительными настроениями, идущими от Гракха Бабёфа.

Во времена Великой французской революции Гракх Бабёф, выражая интересы неимущих, предлагал бороться не только за равноправие, записанное в Декларации прав человека и гражданина, но и за полное имущественное равенство граждан, равенство в потреблении средств к жизни и даже знаний. В «Манифесте плебеев», собранном из материалов газеты «Трибуна народа», Бабёф доказывал, что полное равенство – не химера. Зато химерой он называл превосходство таланта, предприимчивости и умственных способностей в распределении материальных благ [1, с. 519]. Пока люди реально не равны и не имеют равного доступа к знаниям и образованию, «нелепо и несправедливо притязать на большее вознаграждение тому, чья работа требует более высокого уровня умственного развития, большего прилежания и напряжения ума» [1, с. 520]. Противостоит, писал он, когда образование становится «машинной», «оружием», с помощью которого одна часть общества сражается с другой частью, безоружной, обманывает и грабит ее [1, с. 521].

Как раз по этой причине Гракх Бабёф называет общественным предрассудком высокую оценку умственного развития, квалификации и личных талантов. И за такой позицией стоит не столько ненависть бесталанного к талантливому, сколько стремление к справедливости там, где умственный труд и развитие способностей способствуют доведению до нищеты обреченных на физический труд.

Справедливость, доказывает Бабёф, предполагает бескорыстие. А потому в обществе «совершенного равенства» все произведения мастерства и таланта должны быть общей собственностью и распределяться не по вложенному труду или мастерству, а согласно «повседневным потребностям». Более того, ранее приобретенные знания, а значит образование, должны быть признаны общей собственностью, и тогда их совместное использование сможет сделать людей «почти равными по способностям и даже по талантам» [1, с. 521].

Обычно в бабувизме акцентируют уравнивание людей по талантам, а значит отрицание свободного развития личности. Тема общего владения духовной культурой остается при этом в стороне. Но обратим внимание на то, за что и как критиковал Маркс бабувистов. Значительная часть «Коммунистического манифеста» посвящена размежеванию с предшествующими коммунистическими и социалистическими движениями, в том числе с «грубым и непродуманным коммунизмом». И эта критика ограниченных трактовок равенства была начата Марксом в разделах «Коммунизм» и «Отчужденный труд», которые вошли в «Экономическо-философские рукописи 1844 года», написанные им в Париже [13]. Уже в 40-х годах XIX века Маркс осознавал, на какой социальной почве формировались казарменные версии коммунизма, у которых и в XX веке было много последователей. «Опыт XX в. показал, – отмечает С. Н. Мареев, – что Маркс был прав уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: неразвитая частная собственность рождает неразвитые формы коммунистической идеологии и практики, каким был казарменный и уравнилительный коммунизм, отрицающий личность» [8, с. 198].

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» речь идет об уничтожении труда как отчужденной, лишенной творчества деятельности рабочих в пользу предметного творчества, которое Маркс именует «самоде-

ятельностью». В итоге проблема социальных условий, когда умственное развитие достается не каждому и способствует угнетению, выглядит иначе. В условиях отчуждения одностороннее развитие, которое Маркс характеризует как «профессиональный кренизм», касается как угнетаемых, так и угнетателей. Это определяется характером труда в промышленном обществе, который должна изменить пролетарская революция, а результатом станет не только всеобщее материальное благосостояние, но и «всестороннее развитие каждого как условие всестороннего развития всех» [13].

Спор социалистов и коммунистов до сих пор упирается в роль общественной собственности и насильственных мер при решении указанных задач. Но в обоих случаях в основании системы ценностей оказывается предметно-преобразующая деятельность, труд, в свете чего свобода, равенство и справедливость обретают смысл, отличный от ценностей либерализма. Свободный труд здесь противопоставляется принудительному труду даже там, где это самопринуждение, или самоэксплуатация, когда мы принуждаем себя трудиться ради физического выживания или каких-то благ. Свободный труд в этой системе координат с необходимостью является творчеством, но отличается от современной «креативности» – творческой деятельности, которую в разных ее формах объединяет в качестве цели личный успех. Личностная самореализация в творчестве, чего бы это ни стоило, – смысл жизни «креативного класса» и современная форма индивидуализма.

Для марксиста в труде проявляет себя общественная природа человека. И как раз коллективная созидательная деятельность, а не врожденные качества, – исток развития способностей как основания универсального развития личности. Способности и потребности человека, пишет советский философ-марксист Э. В. Ильенков, «возникают и развиваются только в истории культуры – сначала лишь материальной, а затем и возникшей на ее базе духовной культуры». В генах че-

ловека, подчеркивает Ильенков, они «никак не записываются и через гены не наследуются. Индивид усваивает их в ходе своего человеческого становления, т. е. через процесс воспитания, понимаемый в самом широком смысле слова» [6, с. 36].

Социальная справедливость в таком понимании вырастает из коллективизма, равенство – это не столько равные права, сколько солидарность и ответственность перед коллективом в достижении общей цели, значимой для всех. Отсюда советский культ человека труда, лозунги солидарности, взаимодействия и взаимовыручки, что постепенно превращалось во фразу в позднесоветский период.

Сегодняшние проклятья в сторону либерализма и социализма со стороны консерваторов-традиционалистов искренни и понятны. Это ненависть тех, кто уверен в природном или надприродном неравенстве людей, к тем, кто такое равенство защищает. Имеет смысл согласиться с историком М. Б. Смолиным, но только в том, что либерализм и социализм – это не два его врага, а один в свете истории демократии. Во введении в книгу «Тайны русской империи» он пишет о том, что сегодня «русская нация переросла, изжила коммунистический соблазн как разновидность демократического принципа, <...> в обществе выработались идейно-политические иммунитеты на эту духовную заразу. Современная же Россия сегодня больна новыми и одновременно старыми западными либеральными соблазнами, ставшими своеобразным «осложнением» после продолжительного и тяжелого заболевания большевизмом» [18, с. 4].

Смущает, конечно, не только медицинская лексика, но и аналогичная понятийная система, в рамках которой формулируется проблема. За пределами приведенной цитаты Смолин характеризует либерализм то как либеральный вирус, то как бактерию, которую, конечно, превосходит зараза большевизма, а универсальное лекарство от этих демократических болезней – православная вера.

Этот автор из консервативного лагеря по понятным причинам отрицает методологию конкретного историзма в пользу своей политической вирусологии. Хотя именно историзм позволяет видеть диалектическое снятие ценностей либерализма в теориях и практике социалистов, когда свобода, равенство, братство в их раннелиберальном прочтении наполняются новым социальным содержанием. Социализм обладает перспективой развития именно там, где это не пустое в своем радикализме отрицание либерализма, а снятие его достижений. И это при том, что кризис и гибель советского строя в XX веке демонстрирует противоречия в воплощении уже социалистической демократии.

Именно в трактовке бонапартизма как способа разрешения противоречий либерализма, противоречий между свободой и равенством, сошлись либерал Токвиль и коммунист Маркс. Последний анализирует социальную природу и «технология» бонапартизма в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», которую начинает словами: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [11, с. 119]. Маркс имеет в виду правление Наполеона Бонапарта и его племянника Луи-Наполеона Бонапарта, который был президентом Второй республики с 1848 по 1851 год, а затем под именем императора Наполеона III, правил Францией с 1852 года по 1870 год. Лавируя между классами, он эксплуатировал не рассудок, а предрассудки и неразвитость широких масс, пишет Маркс, а именно парцеллярного крестьянства, которое составляло «молчаливое большинство» французского общества середины XIX века [11, с. 212].

Что касается Токвиля, то и у него к середине XIX века прогноз развития либеральной демократии, как уже говорилось, очень пессимистичен: всеобщее избирательное право и включение в политическую жизнь широких масс вполне закономерно

ведут к ограничению свобод, усилению роли государства и, более того, к стремлению граждан к опеке. Анализ политической ситуации, породившей режим бонапартизма, Токвиль дал в работе «Воспоминания», которую он не предназначал для печати. Своеобразие режима бонапартизма в том, доказывал Токвиль, что авторитарное правление впервые устанавливается свободной волей граждан. Именно от либеральных свобод отказалось французское крестьянство, передоверив власть вначале Наполеону Бонапарту, а затем его племяннику Луи-Наполеону Бонапарту.

Токвилю ясно, что, бонапартизм – это свидетельство новой исторической ситуации, в которой возможен выбор в пользу равенства в ущерб свободе. Бонапартизм – ограничение парламентаризма и либеральных свобод по воле большинства, поддержанного властью. При этом, будучи либералом, Токвиль винит в рождении бонапартизма приверженцев социального равенства и справедливости. Хотя как раз кризис либеральной демократии с ее кумиром – индивидуальной свободой – с XVIII по XX век создавал почву для уравнилельных движений. И, соответственно, кризис либеральной демократии стал причиной трансформации правового государства в государства авторитарного и тоталитарного типа.

Модель единоличного правления, опирающегося на волеизъявление народа, опробованная в бонапартизме, была реализована в XX веке не один раз как способ разрешения противоречий и либеральной, и социалистической демократии. В этом свете противоположные оценки советской эпохи в наши дни по-своему объективны. Но здесь как в притче о слепых и слоне. Одни делают акцент на бюрократической машине, превращавшей индивида в винтик индустриального производства, другие – на интернационализме, культе человека труда, развитии образования, науки и культуры, вплоть до культурно-массовой работы для формирования творческих способностей, начиная с самых низов. Другое

дело, как одно объективно соединялось с другим, определяя трансформацию социалистических ценностей. Ответ на этот вопрос, конечно, требует отдельного разговора.

В сборнике русских философов об Освальде Шпенглере С. Л. Франк писал: «То, что переживает в духовном смысле Европа, есть не гибель западной культуры, а глубочайший ее кризис, в котором одни великие силы отмирают, а другие нарождаются» [23, с. 54]. Именно в таких условиях важна задача сохранения и развития «великих сил», а значит – истинных ценностей культуры. Так видел ситуацию не только религиозно мыслящий философ С. Л. Франк, но и А. Н. Герцен, создавший свой проект «русского социализма», объединяющего ценности либерализма и социализма на русской почве во имя прогресса всего человечества [3].

В наши дни тот же пафос просматривается в идеях противопоставления западному миру его же великого прошлого, что, понятно, предполагает отделения истинных ценностей от их превращенных форм. Это значит, что наш протест против индивидуализма, вплоть до принуждения к гендерному выбору, не означает отрицания личной свободы, а протест против казарменного коммунизма, крайние формы которого реализовали в Камбодже «красные кхмеры», не означает отрицания равенства и коллективизма как предпосылки развития личности. То же касается семейных ценностей, когда критика «чайлдфри» не означает противоположного – сведения семейных ценностей к ценностям патриархальным, вплоть до оправдания домашнего насилия.

Именно в таком контексте получает объяснение выражение «исконные общечеловеческие ценности» в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 г., к которым по сути следует относить все то, что вошло во «Всеобщую декларацию прав и свобод человека», принятую резолюцией Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [2]. Иначе говоря, мы берем под защиту, а зна-

чит вводим в круг традиционных российских ценностей, права и свободы человека, включая свободу вероисповедания и свободу частной собственности. Более того, в ряду традиционных российских нравственных императивов, согласно данному документу, указаны ценности коллективизма, социальной справедливости, взаимопомощи и созидательного труда, что социалисты в свое время противопоставили либералам. И в данном контексте они как будто примиряются, в том числе с идущими из прошлого ценностями крепкой семьи, многодетности, продолжения рода.

То же касается отношения индивида к обществу, что в исконно русской традиции связывали со служением Отечеству, а в более позднее время определялось как «гражданственность». Обратим внимание на своеобразие советского патриотизма, выраженное в «Служу трудовому народу!». Служение Отечеству, гражданственность и патриотизм в данном случае – выражение основы отношения индивида к роду, его «истины» в разные периоды российской истории.

Обратим внимание на то, что православные идеалы, в том числе христианское милосердие, в системе координат, заданной Указом, сочетается со светским гуманизмом, и все это, на наш взгляд, указывает на наднациональный и надконфессиональный характер традиционных российских нравственных ориентиров.

Традиционное ценностное ядро, о котором идет речь, – это не патриархальный монолит, но и не следствие псевдоморфоза западного и восточного начал в духе О. Шпенглера [10]. В тексте Указа дан только перечень традиционных ценностей, которым еще предстоит конкретно сочетаться в качестве предпосылки окончательного оформления общероссийской гражданской идентичности. Конкретный синтез традиционных элементов в новое системное качество и единство – дело будущего. Здесь – как и с «многополярным миром»: каким будет этот синтез, дело практики и грамотной культурной политики.

Список литературы

1. *Бабёф Грахх*. Манифест плебеев. Сочинения: В четырех томах. Т. 3. Москва: Наука, 1977. С. 428–525.
2. Всеобщая декларация прав и свобод человека. [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. *Герцен А. И.* Русский народ и социализм // Герцен А. И. Сочинения: В двух томах: Т. 2. Сост., авт. примеч. З. В. Смирнова. Москва: Мысль, 1986. С. 154–182.
4. Декларация прав человека и гражданина, принятая Национальным собранием 26 августа 1789 г. [Электронный ресурс] https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Dokumenty_fr_rev_1789/text.htm
5. *Золотухина-Аболина Е. В.* Задачи на историческом повороте // Свободная мысль – XXI: теоретический и политический журнал. 2022. № 4 (1694). С. 119–132.
6. *Ильенков Э. В.* Откуда берется ум? / Ильенков Э. В. Философия и культура. Москва: Издательство политической литературы. 1991. С. 30–43.
7. *Локк Д.* Два трактата о правлении. Сочинения. В трех томах. Т. 3. Москва: Мысль. 1988. 668 с.
8. *Мареев С. Н.* Возвращение человеку человеческой сущности. К. Маркс о коммунизме // Свободная мысль-XXI: теоретический и политический журнал. 2019. № 3 (1675). С. 193–202.
9. *Мареева Е. В.* «Русский европеизм» и его исторические типы в свете диалектики особенного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 17–32. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-17-32>
10. *Мареева Е. В.* «Общечеловеческое» или «всечеловеческое»: вклад Н. Я. Данилевского в методологию исследования «русского мира» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 3 (119). С. 75–81. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-75-81>
11. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения в 39 томах. Издание второе. Т. 8. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 115–217.
12. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения в 39 томах. Издание второе. Т. 4. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
13. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения в 39 томах. Издание второе. Т. 42. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1974. С. 41–174.
14. *Межуев В. М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
15. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Москва: АСТ, 2002. 509 с.
16. *Рагозин Н. П.* Традиция как механизм воспроизводства общественной жизни // Культура и цивилизация. 2020. № 1 (11). С. 7–18.
17. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: Эксмо, 2016. 220 с.
18. *Смолин М. Б.* Тайны русской империи. Москва: Вече, 2014. 448 с.
19. *Тихонова В. А.* «Русский мир» как «страна-цивилизация» и ее идентичность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 3 (119). С. 63–67. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-63-67>
20. *Тихонова В. А.* Морально-этические константы российской политической культуры // Россия в контексте межкультурных коммуникаций. XX–XXI век. Монография / под общ. ред. Е. В. Мареевой, Н. В. Синявиной. Москва: МГИК, 2022. С. 41–48.

21. *Токвиль Алексис де*. Демократия в Америке / Пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова; Предисл. Гарольда Дж. Ласки; Комм. В. Т. Олейника. Москва: Прогресс, 1992. 554 с.
22. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>
23. *Франк С. Л.* Кризис западной культуры // Освальд Шпенглер и закат Европы. Москва: Берг, 1922. С. 33–54.

*

Поступила в редакцию 03.01.2025